

ПОХОРОНЫ ШОСТАКОВИЧА

(Документальная запись от 14 августа 1975 года)

О. Дельвиг, Дельвиг!
Что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?..

В. Кюхельбекер.

(Фрагмент № 9 из Четырнадцатой симфонии Д. Шостаковича, сочинение 135).

У ЛИЦА Герцена, все Кисловские переулки оцеплены войсками и милицией. Очередь людей выстроилась задолго до того, как в 11 часов начали пускать в Большой зал консерватории. Сверху, от Никитских ворот, направо, к залу.

У входа в Большой зал стоит Захаров (Владимир Емельянович) и встречает подъезжающие машины с венками. Венки от организаций, от посольств. Много дипломатических машин. Много иностранных делегаций. Они проходят с букетами роз.

Мы с Валечкой Рыжковой вошли и, пройдя по залу, забрались в первый амфитеатр.

Люди идут и идут, многие кладут к подножию гроба свои букеты.

На черном постаменте, покрытом бархатом, стоит черный с белым гроб. Шостакович лежит в нем, массивный, с просветленным лицом. На устах улыбка. Будто он был счастлив наконец разделиться с этим миром...

Рядом с гробом, слева от головы Д. Д., стоит стол, на котором уложены подушечки, красные, с наградами. Их очень много.

К семье подошел старик с бородой, завсегда всех симфонических концертов в Большом зале. Многие люди приехали из других городов.

И все же народу не так много. Не идет народ сплошной стеной. Летнее время, поэтому многих нет в Москве, нет студентов - музыкантов. Оркестры на гастролях и в отпусках. Но неужели не могли собрать хоть один оркестр, чтобы сыграть что-то в его память? Только певца и трио играют на сцене его циклы. Звучит его музыка. Да это и понятно. Он столько написал произведений, что они могут заполнить печалью концерт, состоя-

Вот. Москва. - 1992. - 14 авг.

щий из многих горестных часов.

А Д. Д. лежит последние земные часы. Он уже вечность, история. Кинокамеры работают только тогда, когда появляются иностранные делегации.

У нас в амфитеатре встал хор — Юрловская капелла, дирижер Ю. Ухов. Они поют фрагмент из оратории «Степан Разин».

Большой художник уходит от людей под звуки собственной музыки...

Максим (Шостакович) сидит, откинувшись назад, мальчик у него на руках. Старая женщина подошла и поклонилась...

Как мало его ценили при жизни! Но он шел своим путем, не сбиаясь, не сходя с него... Он не изменил себе ни на йоту... Это великий человек, и сейчас мы в последний раз смотрим на Шостаковича, а скоро... крышку гроба захлопнут, и он навсегда уйдет к своим светлым (даже в элегичности) мечтам. И ни один человек не посмеет разрушить потусторонний свет его несостоявшихся грез.

...На скрипке играет Леонид Коган. Соната для скрипки или только вторая часть?..

Весь нижний вестибюль Большого зала уставлен венками. Сегодня здесь цветы из многих городов и стран.

Музыка и он, а рядом суетная жизнь — ритуал похорон, почетный караул... Он умер девятого, и погода откликнулась на его кончину. Похолодало. Днем 12—15 градусов. Люди оделись в плащи и теплые вещи. На душе печально: в разгар лета — холод. Природа скорбит, провожая в последний путь гения.

Серое, без проблеска небо. Грусть во всем. И в этой печальной музыке (Бах. Скрипка и фортепиано).

Пришли высшие чины Союза композиторов. Начинается гражданская панихида, но из правительства никого нет.

Ведущие наши композиторы занимают сиденья слева от Д. Д.

Т. Хренников и все слева встали.

— Советская музыка, — говорит Хренников, — мировая музыкальная общественность потеряли своего самого блестящего композитора... (Традиционная речь, но с символическим финалом.) Он не умер. Он перешел в бессмертие...

Выступает Кухарский, с заранее заготовленной речью. И Кухарский, и все остальные схлынут, а Д. Д. останется.

Родион Щедрин:

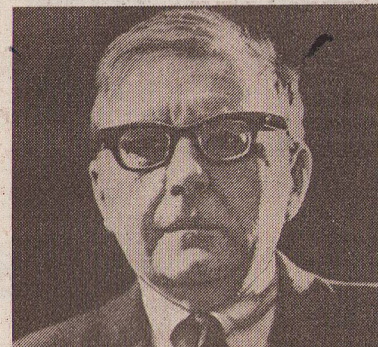
— Горько и трудно искать слова, прощаясь с Д. Д. Музыка Шостаковича — всегда гимн человеку, хвала его гению...

От учеников выступает Г. В. Свиридов:

— В 1925 году появилась Первая симфония Шостаковича — в музыкальном мире прозвучал новый голос. Его творчество открыло в музыке новую эпоху. Он воспринимал большие формы музыки, обладал душой великого человека, душой гения. Музыка Шостаковича живет уже самостоятельной жизнью, но Дмитрий Дмитриевич — человек, и мы сегодня прощаемся с ним...

Свиридов плакал, его голос дрогнул, прервался. (В записи зазвучал финал одной из симфоний Шостаковича с жизнеутверждающим, мажорным окончанием.) Все. Гражданская панихида окончена.

Гроб вынесли по центральному проходу на плечах... На улице воен-

ный духовой оркестр играл траурный марш Шопена.

На оцепленной улице Герцена — десять автобусов и множество легковых машин. Траурный кортеж направляется к Новодевичьему кладбищу. Улицы закрыты для движения. Милиция сдерживает поток людей, устремляющихся к кортежу. «Зеленой улицей» проехали мы до кладбища. Здесь уже расставили на всем протяжении главной аллеи привезенные раньше венки. На площади оркестр военных музыкантов играет похоронный марш. Последние минуты прощания...

Выступают Отар Тактакишвили и Андрей Петров. Родные прощаются с Д. Д. Поднялся ветер, закрапал дождь, раздались ужасные звуки забиваемых в гроб гвоздей...

Вот на плечах композиторов гроб поплыл на старое кладбище... Там, под раскидистой рябиной и сиренью, лихие могильщики в синих блузах очень ловко подхватили гроб и мигом спустили его на постромках вниз...

Семья Шостаковичей, все похожие между собой, все стояли осиротелые, растерянные, а дюжие могильщики остервенело укладывали на могилу венки. Они горой их уложили на маленькое пространство, и поднялось это цветочное возвышение выше деревьев. Венков было около ста, и все огромные, тяжелые. Последним поставили венок от правительства СССР. Двойной, выше человеческого роста.

Публика стала расходиться. Мы с Валей Рыжковой вышли и увидели, как милиция сняла охрану улиц. Тотчас к кладбищу устремилась огромная толпа народа, но ворота Новодевичьего были закрыты. На видном месте висело объявление: «14 августа Новодевичье кладбище закрыто для посещения».

Галина СОБОЛЕВА.